

УДК 39 (=512.156)
DOI 10.17223/18137083/60/2

Ж. М. Юша

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Обрядовый фольклор тувинцев Китая в сравнительном освещении: жанровые признаки

Анализируются жанровые признаки обрядовых текстов, входящих в структуру семейных, календарных, промысловых ритуалов у разных тувинских этнолокальных групп, проживающих на территории Китая, России и Монголии. Показана народная терминология обрядовых произведений в общетувинской фольклорной традиции, их схожая семантическая направленность, в которой заложено функциональное назначение жанра. В обрядовой лексике китайских тувинцев показаны существование устойчивых словосочетаний и моделей, характеризующих локальную фольклорную традицию, отличную от российских тувинцев. Выявлены мотивы благопожеланий детского и свадебного циклов; рассмотрена функциональная роль обрядовых жанров в составе ритуала; определена роль вербального компонента в обрядовой культуре, а также показана взаимосвязь акционального и вербального элементов для достижения основной цели проводимого ритуала.

Ключевые слова: тувинский фольклор, этнолокальные особенности, жанровые признаки, обрядовый текст, ритуалы тувинцев.

Произведения обрядового фольклора, входящие в структуру календарных, семейно-бытовых, промысловых, окказиональных обрядов тувинцев, имеют четкую привязку к определенным этапам ритуала, придают им осмысленность, сакральность и функциональную направленность. По утверждению А. К. Байбурина, «особенность текстов, входящих в структуру ритуала, – их принадлежность сразу двум системам: фольклору и ритуалу. Будучи фольклорным текстом, он подчиняется законам жанра, и – шире – фольклора. Будучи элементом ритуала, он, как и всякое ритуальное действие, подчиняется ходу ритуала и в этом отношении ничем не отличается от других форм ритуального поведения» [Байбурин, 1993, с. 210].

Цель статьи – проанализировать жанровые признаки обрядовых текстов, входящих в структуру семейных, календарных, промысловых ритуалов у разных тувинских этнолокальных групп, проживающих на территории Китая, России

Юша Жанна Монгеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Институт филологии Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; zhanna-yusha@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 3
© Ж. М. Юша, 2017

и Монголии; показать народную терминологию обрядовых произведений; проанализировать в обрядовой лексике устойчивые словосочетания и модели; выявить мотивы благопожеланий детского и свадебного циклов; рассмотреть функциональную роль обрядовых жанров в составе ритуала: определить роль вербального компонента в обряде; выявить взаимосвязь акционального и вербального элементов ритуала.

В тувинском обществе ни одно значимое событие в жизни человека, семьи или народа не проходит без соответствующих обрядов с исполнением благопожеланий. В обрядовом фольклоре разнообразна тематика благопожеланий с положительной семантикой, обращенных к конкретному человеку с пожеланиями добра, наставлениями и советами на будущее. Можно констатировать, что благопожелания остаются самыми востребованными и любимыми произведениями в обрядовом фольклоре тувинцев. В них до сих пор сохраняются традиционные каноны: санкционируются определенные нормы поведения, утверждается этническая система ценностей, устойчивая формульность художественно-образительных средств.

Обрядовые жанры тувинцев имеют ряд общих признаков: вера в магию слова, исполнение во время ритуала, способы достижения цели – с помощью поэтического слова и действий, свободная стихотворная форма, определенный набор общефольклорных образительных средств, использование устойчивых традиционных формул и импровизационность. Вместе с тем каждый обрядовый жанр различается по функциональному назначению, композиционной структуре и адресной направленности.

В народной терминологии китайских тувинцев благопожелание обозначается словами *алгыш*, *йөрээл*; кроме того, производные от этих слов используют в глагольных формах *алгаар*, *йөрээр*, имеющих одинаковое значение 'благословение, напутствие' и 'благословить, напутствовать' и использующихся носителями языка как тождественные. У китайских тувинцев наиболее употребительным является глагол *алгаар*, имеющий это же значение 'дать благословение, напутствие'. В обрядовой лексике локальной традиции закрепились следующие словосочетания: *уруг алгаар* 'благословить невесту', *күдээ алгаар* 'благословить зятя', *бөөдей алгаар* 'благословить новую юрту'. В то же время у носителей традиции в одинаковом значении свободно используются слова *алгыш* и *йөрээл*, а также глагольная форма *йөрээр*, образованная от слова *йөрээл*, например: *бөөдей алгыжы* 'благопожелание новой юрты', *келин алгыжы* 'благопожелание невесты', *өг йөрээри* 'благопожелание юрты', *ат йөрээри* 'восхваление скакуна'. В нашей работе мы будем использовать эти слова как синонимичные, выражающие одно понятие.

Глагол *чалбарыыр* в тувинском языке имеет значение 'молиться, просить милости, благополучия'. Это слово используется для обозначения ритуальных действий и словесного обращения к высшим силам, для выражения просьбы адресата. В языке китайских тувинцев глагол *чалбарыыр* форму существительного не имеет, поэтому употребляется только глагольная форма. Этот же глагол в материнской традиции имеет идентичное значение. Однако у российских тувинцев в обрядовой терминологии присутствует образованное от глагола *чалбарыыр* существительное *чалбарыг* 'заклинание'. Возможно, у китайских тувинцев сохранилась первоначальная семантика этого понятия, связанная с процессом моления, совершения определенных ритуальных умилостивительных действий, в ходе которых выражается просьба к высшим силам о милости, благополучии и покровительстве.

Для употребления слова *чалбарыыр* в обрядовой лексике китайских тувинцев характерны следующие устойчивые модели.

Первая модель свойственна вербальному компоненту календарных обрядов «указание места + совершение моления». Например: *Оваада чалбарыыр* (букв.:

‘молиться на обо’), *Шагаада чалбарыыр* (букв.: ‘молиться во время Шагаа’). Вторая устойчивая модель имеет значение «субъект, совершающий действие + совершение моления». Например: *аңчы чалбарыыр* (букв.: ‘охотник молится’).

В тувинской фольклорной традиции, включая все этнолокальные группы, в отличие от остальных тюркских народов, бытует жанр восхвалений, что обусловлено несомненным влиянием близких историко-культурных связей с монгольскими народами. У китайских тувинцев для восхваления скакунов и борцов, победивших в национальных состязаниях, также используется многозначное слово *алгаар*, которое выступает во втором значении ‘прославлять, хвалить, чествовать кого-либо’. Существуют устоявшиеся словосочетания: *ат*¹ *алгаар* ‘благословить коня-скакуна’, *бөге*² *алгаар* ‘благословить борца по национальной борьбе’. В материнской традиции, в отличие от китайских тувинцев, для прославления победивших в состязаниях борцов и скакунов используется заимствованное монгольское слово *мактал*, имеющее значение ‘хвала, похвала, одобрение, благодарность’ [Тувинско-русский словарь, с. 275].

В народной терминологии российских тувинцев произведения обрядового фольклора, несмотря на разное содержание, объединены общим многозначным понятием *алгыш-йөрээл*, имеющим значение ‘благословение, напутствие’. К этому же понятию относят и *мактал*-восхваление, и *чалбарыг*-заклинание, хотя последнее не соответствует семантическому содержанию этого слова.

В фольклорной традиции китайских тувинцев существует выражение *алгыш бээр* ‘дать благословение кому-либо’, когда добрые пожелания мыслятся как что-то конкретное и материализованное. Например, о произнесении благопожеланий носители традиции говорят: *Алгаарда, улуг-улуг кижилер төөзү бир-биринен мынчап дизинип олуруп алгаитан алгыш бээр* ‘Благословляя, все пожилые люди сидят рядом друг с другом, и дают свое благословение’; *Дой чазаарда келин уруга алгыш бээр* ‘На свадьбе невесте дают благословение’.

Для восхваления коней и борцов словосочетание *алгыш бээр* не используется, вместо него употребляется словосочетание *ат алгаар* ‘восхвалять коня’: *Ат алгаары бурун мончакча турган* ‘Раньше восхваляли коня на тувинском языке’.

В локальной и материнской тувинской традиции, как и у других тюрко-монголов, благопожелание (*алгаар*) представляет собой поэтический текст с пожеланием добра, наставлениями и советами на будущее, обращенный к конкретному человеку. Основной целью *йөрээл*-благопожеланий является призывание счастья, предсказание будущих благ, высказывание наставлений, мудрых советов адресату. В благопожеланиях человек чувствует себя способным силой слова осчастливить другого, предречь ему удачливое будущее, пожелать всего того, что по понятиям тувинцев должно быть в жизни счастливого человека [Юша, 2015]. Кроме этого, как и в славянской традиции, у китайских тувинцев «ритуал благопожелания может быть представлен как коммуникативный акт, в процессе которого партнеры обмениваются между собой определенными ценностями» [Агапкина, Виноградова, 1994, с. 170], то есть добрыми пожеланиями, адресованными друг другу.

В зависимости от включенности благопожеланий в структуру ритуалов, их можно разделить на семейные и календарные. В свою очередь, благопожелания семейного цикла включают в себя свадебные и родинные благопожелания. По композиционной структуре *алгаар* состоит из одного компонента – благословения и изложения напутствия.

¹ *Ат* – диалектное слово китайских тувинцев, произносимое без фарингализации. Литературная форма слова *аът* произносится с фарингализацией.

² *Бөге* – диалектное слово китайских тувинцев, литературная форма *моге*.

Вербальные формулы, входящие в структуру семейных ритуалов китайских тувинцев, в большей степени адресованы конкретным людям (новорожденному, молодоженам) с пожеланием личного благополучия на будущее, на всю жизнь. В этих же обрядовых текстах реализуются традиционные морально-этические ценности, принятые в тувинском обществе, а также народные представления о благополучии человека. Вербальный компонент, являясь одним из главных составляющих ритуала, функционирует от начала и до завершения обряда. Особенно это заметно в ритуалах детского цикла, когда «ритуал благопожелания занимает практически все обрядовое время, благопожелательные тексты при этом являются практически единственной формой вербального поведения его участников» [Агапкина, Виноградова, 1994, с. 206]. В свадебной же обрядности китайских тувинцев большинство благопожеланий произносятся в наиболее значимые моменты ритуала. Например, когда невеста находится за свадебной занавесью, все собравшиеся гости пожилого возраста благословляют ее по кругу, по ходу солнца.

В структуре семейных и календарных обрядов время воздействия обрядового слова различается. Так, в благопожеланиях семейного цикла, когда адресатом выступает человек, время нацелено на будущую жизнь адресата до окончания его жизненного пути. В календарных ритуалах вербальный код по времени рассчитан сроком только на год, как и действие самого ритуала, который должен повториться через год.

У китайских тувинцев мотивы обрядовых текстов включают в себя в сжатом и лаконичном виде множество культурных символов, мифологических образов, выражений и понятий. Для свадебных благопожеланий характерными являются десять мотивов: мотивы гостеприимства, многодетности, многочисленности скота, достатка еды, богатства, необычной посуды, блаженного состояния, укрепления силы духа, благополучной семьи, благословения жилища. В большинстве случаев несколько мотивов могут быть объединены в единый обрядовый текст. Однако встречаются случаи, когда каждый из перечисленных мотивов изложен в разных текстах. Это условие зависит от мастерства исполнителя, насколько умело и эстетически красиво может он соединить в одном тексте эти мотивы.

В обрядах детского цикла благопожелания, произносимые участниками ритуалов, состоят из двенадцати мотивов: долголетия, блаженного состояния, судьбы, уважения, образования, укрепления силы духа, жизненной силы, физических качеств, физической выносливости, служения родине, наличия родственников и в зависимости от пола ребенка обретения им мастерства и умения. Как и в свадебных благопожеланиях, разные мотивы могут переплетаться в одном обрядовом тексте.

Отличительной особенностью локальной фольклорной традиции китайских тувинцев является и то, что в благопожеланиях в отношении адресата может использоваться специфическая поэтическая формула, не характерная для материнской традиции. Она не является обязательным элементом в составе благопожелания и исполнителями может опускаться. Формула состоит из двух элементов: 1) высказывание определенного пожелания адресату; 2) добавление устойчивой формулы – «благословеньем пусть это будет», которая является «закрепкой» для исполнения высказанного пожелания. В составе обрядового текста схематически эту формулу можно представить так: «доброе пожелание + благословеньем / напутствием пусть это будет». Например, в детском цикле участник обряда произносит ребенку: *Баатыр бооп чоруурунуң белээ болзун!* 'Баатыром чтобы стал – благословеньем пусть это будет!'; на свадьбе молодоженам посвящают: *Эки өреге*

бооп чоруурунуң оруу болзун! ‘Хорошей семьей чтобы стали – напутствием³ это пусть будет!’

По структурной организации некоторые тексты благопожеланий, произносимые в семейной обрядности, могут содержать «свернутые тексты», в которых дается иносказательная характеристика желаемого предмета. Например, молодоженам желают иметь много детей и скота следующей краткой формулой: *Көжөрдө доозунуг болзун!* ‘При перекочевке пусть пыль поднимают!’

Для благопожеланий (*алгаар*), произносимых в календарной обрядности, характерна в основном скотоводческая тематика, но также имеет место и благополучие человека. Как отмечалось выше, важнейшей характерной особенностью календарных ритуалов и сопровождающих их вербальных компонентов является то, что обрядовые действия и пожелания рассчитаны до следующего проведения обряда. Это связано с тем обстоятельством, что, в отличие от обрядов перехода, календарные ритуалы проводятся ежегодно с целью умилоствления духов-хозяев.

У китайских тувинцев для произнесения благопожеланий большое значение придают возрасту благословителя: важно, чтобы их произносил пожилой человек (*улуг кижжи*), умудренный жизненным опытом. Считается, что его слова очень действенны и имеют сакральное значение. Этому обстоятельству придается важное значение особенно на свадьбе. Человек, произносящий благопожелание молодоженам, должен быть старше их по возрасту, в противном случае он не имеет права благословлять молодоженов. Подобные воззрения имеются в материнской традиции и у тувинцев Монголии. Так, благословителями (*йорээлчи*) могли выступать люди среднего и пожилого возраста, уже имеющие собственный жизненный опыт. Аналогичное представление имелось у хакасов: «Согласно народной традиции, алгысы имел право выразить только зрелый человек, перешагнувший 40-летний возраст» [Бутанаев, 1996, с. 189].

Если для благопожеланий семейного цикла характерны «свернутые тексты», то композиционная структура календарных благопожеланий состоит из «развернутых текстов». В них в перечислительном порядке подробно описываются желаемые блага (благополучие детей, плодовитость скота, хороший травостой) на определенное время.

В большинстве случаев исполнение благопожеланий в семейно-бытовых и календарных обрядах сопровождается разными ритуально-магическими действиями, призванными усилить действенность благопожеланий, их исполнение в будущем. Например, в обрядах перехода (рождение, свадьба) благословитель держит в руках пиалу, в которую положены лучшие куски мяса, можжевельник и налито молоко. У тувинцев города Алтай имеется и другой вариант: благословитель держит чашу с топленным маслом и перед высказыванием благопожелания мажет им себе губы. Эти жесты символизируют благие и «чистые» намерения говорящего, веру в магическую силу слова. У славянских народов, как считают исследователи, также «удельный вес обрядового слова в той или иной ситуации непосредственно зависит от ритуального действия. Ритуально-магическое действие, как правило, несет на себе основную смысловую нагрузку и “хронологически” предшествует слову, его сопровождающему» [Агапкина, Виноградова, 1994, с. 185].

В тувинской фольклорной традиции восхваление борцов и скакунов представляет собой поэтический текст, прославляющий определенные достоинства и качества победителей состязаний с целью вознаградить за успех. Восхваление состоит из двух тематических групп: прославление борцов и прославление скакунов. По композиции восхваление, независимо от того, кому он посвящается (борцу

³ Букв.: ‘дорогой пусть это будет’.

или скакуну), включает только один семантический компонент – текст восхваления [Юша, 2009, с. 38]. По воспоминаниям информантов, до недавнего времени пожилые люди восхваления скакунам произносили на тувинском языке, но с уходом этих людей они произносятся в настоящее время только на монгольском. Это объясняется тем, что во многих монгольских книгах даны тексты традиционных восхвалений, которые, как правило, заучиваются тувинцами, чтобы произносить их в соответствующих случаях.

Обрядовой функцией заклинаний (*чалбарыыр*) является испрашивание милости и покровительства, удачи и счастья для себя (при индивидуальных обрядах) или для сородичей (при коллективных обрядах). Заклинание, в отличие от других обрядовых жанров, сопровождается обязательным подношением дара (жертвоприношения/угощения) духам-хозяевам. Это делается перед произнесением или во время произнесения заклинаний. Такое обязательное подношение можно объяснить тем, что, во-первых, простой смертный человек ведет диалог с могущественными духами, а во-вторых, здесь ярко проявляется древний обычай дарообмена, который представлялся «одним из наиболее приемлемых способов общения человека с богами (в основном при помощи дара-жертвы)» [Агапкина, Виноградова, 1994, с. 169]. По композиционной структуре *чалбарыыр* может состоять из трех смысловых блоков: обращения/восхваления – описания угощения/жертвоприношения – просьбы к духам-хозяевам. Смысловые блоки не имеют строгой последовательности: некоторые из них могут меняться местами или вовсе отсутствовать. Обязательным, устойчивым смысловым блоком для всех заклинаний является изложение просьбы [Юша, 2009, с. 32]. В некоторых случаях, особенно при индивидуальных обрядах, заклинания могут проговариваться мысленно.

Заклинания являются одним из обязательных вербальных элементов в семейных, календарных и промысловых обрядах и соответственно этому подразделяются на следующие тематические группы: семейные, календарные и промысловые.

В одних случаях отправителем обряда совершаются определенные ритуально-магические действия, которые в текстах не описываются. Например, ритуальное окропление молоком, чаем или *аракой* четырех сторон света, которое подразумевает угощение духов-хозяев местностей. В других – наблюдается ситуативный и вариативный характер совершения обрядовых действий. В этом случае в текстах заклинаний последовательно описываются ритуальные действия, которые отправителем обряда реально не совершаются в силу сложившихся обстоятельств, но при этом магический смысл обряда не меняется. Например, в промысловых *чалбарыыр*-заклинаниях, охотник, придерживаясь заведенной традиции, про себя перечисляет угощение-жертвоприношение, подносимое духу-хозяину Алтая Ак-Огбену, но при этом не совершает ритуальных действий. Видимо, в обрядовой культуре китайских тувинцев словесное описание ритуальных действий равняется совершенным действиям, в чем отчетливо проявляется вера в магию произнесенного слова.

В отличие от других обрядовых жанров для заклинаний (*чалбарыыр*), произносимых в индивидуальных обрядах, характерна некая «закрытость» или «интимность», обусловленная тем, что человек для достижения желаемого обращается с определенной просьбой к сверхъестественным силам, при этом сам выступая только в роли пассивного просителя; по этим же причинам в языке заклинаний встречаются слова высокого стиля, не характерные для благопожеланий (*алгаар*). Отмечается сакральное и уважительное отношение к обрядовому слову. Например, в свадебной обрядности заклинания, обращенные к духу-хозяину домашнего очага, произносимые невестой или женихом, ни в коем случае не проговаривают другим людям, в противном случае считается, что заклинание-*чалбарыыр* может потерять свою магическую силу.

С точки зрения семантической направленности вербальные элементы в структуре тувинских обрядов всех этнолокальных групп условно можно разделить на две группы.

Первую группу составляют обязательные словесные формулы, сопровождающие семейные и календарные обряды: *алгаар*, или *алгыш-йөрээл* (благопожелание), *чалбарыыр* (заклинание), у российских и монгольских тувинцев произносятся в огласовке *чалбарыг*. Тексты этого типа образуют сложное единое целое, имеют стихотворную форму, соотносятся с главной идеей ритуала, а в некоторых случаях поэтически интерпретируют ритуальные действия исполнителей. Как отмечал А. К. Байбурин, если словесный текст в ритуале в первом случае определяется своими внешними связями, то во втором случае «семантика текста реализуется только в соответствии с ритуалом, понимаемым не в узко синтагматическом смысле, но шире – как особого рода действительность, описание которой так или иначе осуществляется словесной частью ритуала» [Байбурин, 1993, с. 210–211].

Характерной чертой первой группы является то, что в структуре ритуала каждый обрядовый жанр (*чалбарыыр*-заклинание, *алгаар*-благопожелание), преследуя разные цели, имеет устойчивую композиционную структуру, обрядовую функцию и адресную направленность. *Чалбарыг*-заклинание как словесный компонент обряда выражает испрашивание милости и покровительства, удачи и счастья для себя (в индивидуальных обрядах) или для всех сородичей (в коллективных обрядах). Проводя определенный обряд, именно с помощью произнесения заклинаний, иногда через посредников – знатоков ритуала, люди устанавливали контакт с могущественными духами-хозяевами, излагали им свои конкретные просьбы, рассчитывали на их благорасположение и помощь.

В ходе произнесения словесных формул особое внимание уделялось акциональным элементам, свойственным определенным видам ритуала. К ним относятся телодвижения, жесты и мимика исполнителя. Характерной позой исполнителя в индивидуальных или коллективных культовых и промысловых обрядах можно считать коленопреклоненную позу *күдүк базар*, или *сөгүрүүр*, в знак благодарности и особой почтительности к божеству. Коленопреклонение является одним из основных жестов адорации у тувинцев, поскольку человек общается со сверхъестественной силой и выступает только в роли пассивного просителя. Особо можно отметить, что обрядовым жанрам соответствуют разные виды речевого поведения, которые зависят от степени сакральности текста. Так, в индивидуальных обрядах заклинания произносятся мысленно, шепотом или про себя, поскольку человек излагает свою просьбу, адресованную духам-хозяевам или божеству.

Благопожелания, в силу своей открытости, исполняются громко, торжественно-приподнятым тоном в присутствии участников обряда. При этом адресаты благопожеланий, должны держать ладони открытыми. По народным традициям, этот жест является одним из акциональных действий, символизирующих принятие адресатами благих пожеланий, чтобы доброе слово «впиталось» в самого человека. Данный жест отличается от акциональных действий проклятий, когда адресат-получатель проводит обряды противодействия, защищаясь от воздействия злоречений в свой адрес путем сплевывания, очищения можжевельником, а также с помощью словесных формул.

Во вторую группу включаются реплики, возгласы или восклицания участников ритуала во время или после произнесения обрядовых текстов знатоком традиций или обычным благословителем, с тем чтобы закрепить результат доброго пожелания, действенность магических слов. Эти словесные компоненты можно назвать вторичными, или контекстными обрядовыми текстами, так как отличительным признаком речевых компонентов данной группы является то, что их семантика и прагматика выявляется только в связи с предыдущим обрядовым тек-

стом. Например, после произнесения каждого благопожелания, его адресат, а также участники торжества вслух проговаривают обязательную традиционную фразу, доказывающую сопричастность других участников к сказанному слову благословителей, тем самым выказывая свое согласие и одобрение доброму пожеланию. Так, у китайских тувинцев участники обряда хором произносят: *Чарлык өршээсин!* 'Пусть повеление свершится!'; *Ындыг болсун!* 'Пусть будет так!'; *Бурганның чарлыы болсун!* 'Повелением бургана пусть будет!'; *Айытканыгар болзун!* 'Сказанное Вами слово пусть сбудется!' У российских тувинцев эта же формула звучит так: *Йөрээл доктаазын!* 'Пусть йөрээл сбудется!' (букв.: 'пусть благопожелание остановится') или *Ындыг-ла болзун ам!* 'Да будет так!'; у тувинцев Монголии: *Чарлык доктаазын!* 'Пусть повеление свершится!' (букв.: 'пусть повеление остановится').

В календарных ритуалах после исполнения заклинания, участники вслед за заклинателем троекратно произносят: *Курай, курай, курай!*, у китайских и монгольских тувинцев используют диалектный вариант этого же слова: *Хүрэй, хүрэй, хүрэй!*, обозначающего «обращение к божественным силам... призывание благ, милостей, счастья» [Татаринцев, 2004, с. 308]. Нередко заклинательные формулы у тувинцев России заканчиваются традиционной концовкой *Өршээ* 'Помилуй' или *Өршээ, хайыракан!* 'Помилуй, хайыракан!' ⁴, которую вслух повторяли участники коллективных ритуалов, где просили духа-хозяина определенной местности проявить к ним благосклонность. Эта же формула в материнской традиции может выступать как рефрен заклинательных формул. Подобная формульность не встречается в локальной традиции китайских тувинцев.

Как видно из приведенных примеров, вторая группа текстов насыщена дополнительной семантической нагрузкой, обладает завершающей обряд функциональной направленностью. Эти тексты объясняют ритуальную подоплеку совершаемого обряда, в них закладывается сакральный смысл магического слова, утверждается желаемое и тем самым закрепляется значение не только вербального, но и акционального компонентов в проводимом ритуале. Для текстов второй группы характерна соподчиненность текстам первой группы, а также обязательная последовательность произнесения, так как их семантика не может быть понята без вербальных формул первой группы.

Благопожелания, в отличие от заклинаний (*чалбарыыр*), могут произноситься и во внеобрядовой ситуации. Они используются в повседневной жизни как ситуативно-этикетные формулы, характерные для обычного речевого поведения: традиционные приветствия, хозяйственно-трудовые пожелания и др. Например, в традиционном приветствии гостем хозяев, а также в пожеланиях людям, занятым каким-либо делом, адресовались благопожелания удачной и легкой работы (во время стрижки овец, подготовки войлока). В свою очередь, заклинания могут произноситься не только во время календарных или семейных ритуалов, они исполняются и в окказиональных обрядах.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет говорить о том, что произведения обрядового фольклора тувинцев, входящие в структуру ритуалов разных этнолокальных тувинских групп, представляют собой тексты, в которых сохранились многие мифологические представления и архаичные верования, свойственные и другим тюрко-монгольским народам. Общими признаками обрядовых жанров являются вера в магическую силу слова, их прагматическая направленность и соотнесенность с ритуалом. Жанры *алгаар* и *чалбарыыр* имеют разных адресатов, выполняют разные обрядовые функции, преследуют разные цели. В заклинании (*чалбарыыр*) просьба обращена к высшим силам, а результат направлен на самого отправителя обряда. В благопожелании (*алгаар*) содержится

⁴ Хайыракан – почтительное название духа-хозяина местности.

доброе пожелание, программирование желаемых благ, в восхвалении – славословие. В обрядовой лексике китайских тувинцев показано существование устойчивых словосочетаний и моделей, характеризующих локальную фольклорную традицию, отличную от традиции российских тувинцев. Выявлены мотивы благопожеланий детского и свадебного циклов, включающие в себя в сжатом и лаконичном виде множество культурных символов, мифологических образов, выражений и понятий. Рассмотрена функциональная роль обрядовых жанров в составе ритуала; определена роль вербального компонента в обрядовой культуре, а также показана взаимосвязь акционального и вербального элементов для достижения основной цели проводимого ритуала. Отмечены случаи «вибрирования» обрядовых текстов, характерного явления для локальных черт в рамках общетувинской фольклорной традиции. У китайских тувинцев, в отличие от материнской традиции, в благопожеланиях присутствует специфическая формула, состоящая из двух элементов: высказывания определенного пожелания и добавления устойчивой формулы. Установлено, что вербальный компонент тувинских обрядов по семантической направленности образует две группы. В первую группу включаются обязательные словесные формулы, во вторую – реплики, возгласы или восклицания участников ритуала.

Список литературы

Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 168–208.

Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1993. 237 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. 221 с.

Тувинско-русский словарь / Сост. Ш. Ч. Сат и др.; Под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Наука, 1983. 243 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2004. Т. 3. 439 с.

Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: Структура и семантика. Новосибирск, 2009. 160 с.

Юша Ж. М. Вербальные константы в обрядах тувинцев России, Китая и Монголии // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 75–80.

Zh. M. Yusha

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
zhanna-yusha@yandex.ru*

Ritual folklore of the Tuvans of China in a comparative perspective: genre signs

The paper analyses genre characteristics of ritual texts (good wishes, spells, incense) included in the structure of the family, the calendar, hunting and fishing rituals of the Tuvan different ethnic and local groups living on the territory of China, Russia and Mongolia. The folk terminology of ritual works in common folklore traditions and their similar semantic orientation related to the functional purpose of the genre are demonstrated. In the ritual vocabulary of Chinese Tuvans, the existence of collocations and patterns is shown describing the local folk tradition, different from the Russian Tuva. The work reveals the motives of good wishes of wedding and children cycles, including many cultural symbols, mythological images, expressions and concepts

in a compact and concise form. It is proved that the good wishes of family rituals may contain «wrapped text» providing an allegorical description of the desired object. In contrast, compositional structure of the calendar good wishes consists of «long texts». They enumerate in detail the desired benefits for a certain time, as the calendar rituals are supposed to exist until the next ritual, a year later. Unlike other ritual genres, spells spoken in individual rites are characterised by «closeness» or «intimacy» due to the fact that people address a specific request to the supernatural forces in order to achieve the desired. The functional role of ritual genres in the composition of ritual is considered. The role of the verbal component in ritual culture is determined. Also, the interrelation of action and verbal elements to achieve the main purpose of the ritual is demonstrated. In most cases, the fulfilment of good wishes and spells is accompanied by different ritual-magic actions that increase their effectiveness and execution of requests and wishes in the future. The belief in the magic of words reinforces the fact that in all ethnic and local traditions of the Tuvians, special emphasis is placed on the blessing man: it is important that the wish be said by an old man, wise in his life experience. Tuvians believe that his words are effective and have a sacred significance. Cases of the «shakiness» of ritual texts, a characteristic local phenomenon in common Tuvan folklore tradition are noted. The Chinese Tuvans, in contrast to the maternal tradition, have a specific formula in mediation consisting of two elements: a specific statement of wishes and adding of sustainable formula. It is found that the verbal component of the ceremonies can be divided into two groups regarding the semantic orientation. The first group includes mandatory verbal formula, the second – replica, cheers or exclamations of participants of the ritual.

Keywords: Tuvan folklore, ethnic and local features, genre signs, ritual text, the rituals of Tuva.

DOI 10.17223/18137083/60/2

References

Agapkina T. A., Vinogradova L. N. Blagopozhelanie: ritual i tekst [Good wishes: ritual and text]. In: *Slavyanskiy i balkanskiy folklor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [The Slavic and Balkan folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow, Nauka, 1994, pp. 168–208.

Bayburin A. K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochno-slavyanskikh obryadov* [The ritual in the traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavic ceremonies]. St. Petersburg, Nauka, St. Petersburg department, 1993, 237 p.

Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of Hakas]. Abakan, 1996, 221 p.

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of Tuvan language]. Novosibirsk, 2004, vol. 3, 439 p.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Sh. Ch. Sat i dr. (Comp.), A. A. Pal'mbaha (Ed.). Moscow, Nauka, 1983, 243 p.

Yusha Zh. M. *Obryadovaya poeziya tuvintsev: Struktura i semantika* [Ritual poetry of Tuvan: Structure and semantics]. Novosibirsk, 2009, 160 p.

Yusha Zh. M. Verbal'nye konstanty v obryadakh tuvintsev Rossii, Kitaya i Mongolii [Verbal constants in the rituals of the Tuvan of Russia, China and Mongolia]. *Siberian Philological Journal*. 2015, no. 3, pp. 75–80.